

В.Ф. Федотов¹

РОДИТЕЛЬСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

V. Fedotov. Parenthood as a sociocultural phenomenon

В настоящей статье рассматривается природа и эволюция отношений родителей и детей, начиная с традиционного типа семьи европейского средневековья. Отмечены причины и особенности изменения сложившегося тогда семейного устройства. Рассмотрены типы семьи, приходящие на смену друг другу. Проведено исследование изменений значения родительства как социокультурного феномена на протяжении ряда исторических периодов, а также выявлены возможные перспективы его развития.

Ключевые слова: родительство, семья, родители, дети, внутрисемейные отношения.

Контактные данные: Санкт-Петербург, Садовая ул., 21, 191023, тел.:+7 (905) 230 04 22, e-mail: wolodjalive@gmail.com

The article deals with the nature and evolution of relations between parents and children, starting with the traditional type of family in the European Middle Ages. The reasons and peculiarities of changes in the then existing family structure are noted. The types of families that replace each other are considered. The study of changes in the value of parenting as a sociocultural phenomenon over many periods has been executed, and its possible development prospects have been identified.

Keywords: parenthood, family, parents, children, intrafamily relations.

Contact information: St. Petersburg, Sadovaya st., 21, 191023, tel.:+7 (905) 230 04 22, e-mail: wolodjalive@gmail.com

Родительство как социокультурный феномен вполне можно назвать термином, если не вечным, то близким к таковому. Институт семьи являлся одним из основных социальных институтов общества на протяжении тысячелетий во всех известных нам обществах, и остается базовым в наши дни, так как семья – неотъемлемая часть жизни подавляющего большинства людей [3, с. 9].

Родительство понимается в контексте работы как социальные и биологические связи между родителями и детьми, включающие рождение и воспитание ребенка, обеспечивающие приобщение его к духовно-нравственным и культурным ценностям общества. Биологически мужчины становятся отцами, а женщины – матерями после рождения своего первого ребенка, но только благодаря повседневной вовлеченности в его жизнь, постоянной эмпатии, сочувствию всему тому, что он ощущает, родители становятся таковыми в полной мере.

Целью нашего исследования является изучение изменений значения родительства как социокультурного феномена в западном обществе на протяжении ряда исторических периодов и выявление возможных перспектив его развития.

Опорой нашего исследования является работа Энтони Гидденса «Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь» [2] и его фундаментальный труд «Социология» [1], в котором он рассматривает семью как социальный институт.

Традиционный тип семьи

Если начать сравнивать современный самый распространенный тип семьи с тем, чем была семья для наших западных средневековых предшественников, то можно сказать, что у них вообще нет ничего схожего. И это будет отчасти верно.

В средневековье семья главным образом была экономической ячейкой как для феодалов, так и для их слуг. Первые при выборе будущих родственников опирались на богатство, количество земель, династическую предрасположенность и отношение между домами,

¹Федотов Владимир Фаридович, аспирант кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

V. Fedotov, postgraduate student of the Department of Sociology and Human Resource Management, St. Petersburg State University of Economics.

складывавшееся веками. Некоторые браки были предрешены сразу после рождения младенцев, семьи которых хотели взаимно усилить свое политическое влияние и экономическую мощь. Вспоминая произведение Шекспира «Ромео и Джульетта», можно быстро прояснить, что романтика и симпатии не имели никакого веса при выборе супруга, это считалось предосудительным и даже неприемлемым, особенно, если семьи не ладили.

Данте всю жизнь в своих произведениях воспевал некий идеал, но никак не свою жену, это было невозможно, мир чувств и институт брака шли порознь, и, безусловно, взаимная симпатия всегда способствовала счастью мужа и жены, если имела место быть, но никак не была определяющим фактором при выборе.

Крестьяне же в подавляющем большинстве были бедными, заключали ранние браки с расчетом как можно раньше включить своих детей в процесс обработки земли. Браки должны были заключаться по церковным канонам, нормы христианской этики предписывали не заключать брак более двух раз. Церковный брак считался нерасторжимым, за исключением случаев смерти супруга или прелюбодеяния. В начале XVIII века предпочтительным брачным возрастом у крестьян считались 13 лет для девушек и 15 лет для юношей. Ко второй половине XIX века ситуация изменилась: 20-22 года для невесты и 23-35 лет для жениха [4, с.113]. Рождение одних девочек грозило семье голодом, несчастьями и нищетой, все это понимали и поэтому всегда надеялись на рождение мальчика, который будет надежной опорой семьи, как только будет способен работать.

Дети и родители, особенно в высшем обществе, не были связаны теплыми чувствами, так как взрослые феодалы проводили большую часть жизни на войне за короля, в борьбе за новые пограничные земли или за защиту собственных наделов, решая вопросы рода. Мальчик становился интересен отцу, когда достигал возраста, в котором его начинали готовить к будущему, а именно в возрасте 7-8 лет. К 15 годам молодой человек должен был закончить подготовку и посвящаться в рыцари, после чего считался взрослым членом фамилии, вступал в брак, получал надел и начинал участвовать в делах семьи, правда, разумеется, сначала не имел большого политического веса, до момента, когда получал большое наследство, если это происходило.

Мать тоже не участвовала в непосредственном воспитании ребенка, этим занимались служанки или наставники, специально выделенные для этого рода занятий.

Родительские чувства проявлялись разве что в обеспечении наследства своим детям. Данное утверждение верно и относительно крестьян, приданое для них было залогом успеха в устройении свадеб.

У земледельцев-крестьян и слуг были более личные отношения с детьми, они сами их воспитывали и приучали к семейному ремеслу с юных лет, как бы на замену самим себе.

Дети, как и женщины, в средневековый период не обладали правами и выступали скорее, как движимое имущество, как средство для достижения династических целей. И те, и другие, должны были укреплять семью прежде всего с экономической стороны [2, с. 70].

Родители растили детей прежде всего для своего собственного блага. Ведь именно от детей напрямую зависело, как будут доживать свой век родители, так быстро стареющие в средние века.

Также стоит подчеркнуть такую особенность средневекового общества и традиционного типа семьи в нем, как неразрывную связь сексуальности и деторождения. Это оправдано фактическим отсутствием эффективных средств контрацепции. Поэтому в погоне за удовлетворением своих потребностей мужчины того времени, как никто другой, были неверны своим законным женам, и это часто было в порядке вещей, особенно у знати, которая, пользовалась всей полнотой своей власти для того, чтобы ни в чем себе не отказывать.

Поэтому был определенный процент детей, которые никогда не знали своих кровных родителей и выпадали из того слоя, к которому эта кровь их должна была относиться.

Очень высокая смертность (около половины детей не доживало до десяти лет) тоже является немаловажным фактором при рассмотрении особенностей родительства в семьях традиционного типа, так как этот фактор обуславливал другое отношение к детям. Чем больше детей, тем больше шанс на обеспеченную старость, так как велик шанс, что из общего числа детей некоторые из них выживут и смогут обеспечивать семью. Пусть это прозвучит очень цинично для наших современников, но родители в то время относились к своим детям скорее, как к лотерейным билетам, чисто экономическому фактору, который может обеспечить будущее, а совсем не так, как относятся сейчас.

Сейчас все мы сталкиваемся с историями, когда мать лишается ума после потери ребенка в раннем детстве или даже лишает себя жизни. Тогда же такие случаи просто невозможно было себе представить, потому что мировоззрение и ценностный мир людей был совершенно иным. Вместо годов горя и траура женщина успевала вырастить как минимум нескольких детей. А смертность от родов была так высока, что насилие над собой не требовалось, каждая женщина жила и рожала детей, будучи под большим риском.

Открытая родовая семья

Историк Лоренс Стоун, составивший схему перехода от традиционной формы семейной жизни к современной, выделил три основных формы семьи на протяжении XVI-XIX веков, и первой из них является открытая родовая семья, постепенно заменившая собой традиционную [8, с. 69].

Открытая родовая семья так же, как и большинство семей традиционного типа, была нуклеарной, вопреки множеству заблуждений на этот счет. Она вела собственное хозяйство, относительно небольшое по сравнению с хозяйствами семей предыдущего типа и была тесно связана с общиной, в том числе и со своими родственниками.

Секс был необходимостью для получения потомства, доверие в семье было совсем не такое, как в наше время и на семью могла влиять как община и родственники, так и власть имущие, никакой семейной неприкосновенности в принятии решений не было.

Экономический аспект опять же был решающим в жизни семьи.

По сути, этот тип слабо отличается от традиционного и первые изменения, первые лучи схожести с общепринятым сегодня в нашем западном мире образом семьи появляются в следующей ее форме, а именно «**изолированной патриархальной**».

Она пришла на замену открытой родовой семье, по словам Стоуна, просуществовала около века, а именно весь XVI век [8, с. 93].

Изолированная патриархальная семья была тогда распространена, в основном, среди высших слоев населения, но ее значение не стоит недооценивать, так как потом именно этот тип стал наиболее распространенным на долгое время среди остальных слоев общества.

Основные «нововведения» нового типа – потеря зависимости от мнения общины и родственников, а также проявление феномена материнской любви к своим детям, равно как и родительской любви в целом. Авторитет отца в данной семье является стержнем семьи, он своего рода аналог абсолютному монарху. Данная параллель не лишена смысла, ибо подобная абсолютизация видна и в политическом мире этого периода, когда феодальное устройство уступает место национальной государственности.

Но в остальном большинство семей этого периода меняется под воздействием процессов индустриализации. Дети уходят на заработки в города и иногда больше никогда не видят своих родителей, экономические факторы постепенно разрушают традиционный тип семьи, уступая место более современным формам.

По Стоуну, изолированные патриархальные семьи постепенно вытеснялись **замкнутыми привязанными к дому нуклеарными семьями**, для которых уже были свойственны близкие эмоциональные связи между их членами, высокий уровень обособленности семьи и повышенное внимание к процессу воспитания детей [8, с. 149]. Данный тип организации семьи сохранился до начала XX века.

Появление замкнутых привязанных к дому нуклеарных семей обусловлено ростом **эмоционального индивидуализма**, т.е. заключением брака на основе личностных предпочтений, которые определяли нормы эмоциональной, романтической любви. Чувственная любовь заняла должное место не только во внебрачных отношениях, но и в браке, как это было веками до этого, когда сексуальность была подчинена продолжению рода и только.

Возникнув среди более обеспеченных слоев населения, этот тип семьи с приходом индустриализации стал по большей мере универсальным для западных стран. Выбор супруга начал зависеть от желания поддерживать с ним отношения, основанные на любви и привязанности. Брак и семья западного типа приобрели тот облик, который в общих чертах сохранился и сегодня.

Причины изменений

До начала процессов индустриализации средневековое домохозяйство было, прежде всего, производственной ячейкой ресурсов самообеспечения, все члены семьи большую часть жизни работали во благо самих себя, это было воспроизводством в полной мере и изменения с течением времени были минимальны. Разница между мужчиной, женщиной и детьми была минимальной, ибо, несмотря на свои особенности, все они были главным образом рабочими руками, задействованными в той или иной сфере хозяйства.

Но в процессе индустриализации индивидуальные фермерские ячейки стали вытесняться крупными собственниками, что обеспечивало приток людей в города, где и начинала концентрироваться рабочая сила, которая в первую очередь обеспечивала самовоспроизводство, в большинстве своем не накапливая материальных благ. Семья перестала быть производственной ячейкой, так как теперь ее члены работали по найму вдали от дома.

Данные изменения привели к довольно быстрому разрушению открытой родовой семьи и утрате ее своих характерных черт, ибо о влиянии родственников и общины говорить теперь не приходилось, когда люди перестали жить общинами в принципе. Но стоит отметить, что некоторые из этих изменений изначально коснулись только групп высокого общественного статуса. Торговцы, предприниматели и крупные фермеры перестали зависеть от традиционных обязательств перед родственниками и общиной, что было характерно для предыдущего периода. Эти люди первыми стали образовывать изолированные патриархальные семьи, ставшие в дальнейшем типичными и для менее зажиточных слоев населения. Именно благодаря им замкнутая привязанная к дому нуклеарная семья стала потом по большей мере универсальной.

Ролевые функции мужчин, женщин и детей в семье заметно изменились. С самого начала индустриализации некоторые женщины, по-прежнему воспитывая дома детей, начали наниматься на работу. Однако среди обеспеченных слоев населения получило общее признание мнение, согласно которому мужчина должен был содержать семью, а “место женщины — дома”. Многие замужние женщины стали домохозяйками, неоплачиваемыми домашними рабочими, чьи функции свелись к уходу за мужем и детьми. Ситуация изменилась и для детей, особенно после принятия законов, обязывавших их посещать школу и ограничивавших детский труд. Дети постепенно вышли из процесса производства и стали играть совершенно другую роль в семье. Именно с этого времени можно проследить тот факт, что дети более не были выгодны экономически, а скорее были расходной статьёй в бюджете семьи. Данная тенденция только усиливается с течением времени и в наши дни уже имеет исключительное значение в подавляющем большинстве развитых стран.

Это очень важная деталь, неизменно влияющая на изменение отношения к детям, изменение родительства как процесса воспитания детей, отношения к ним и прививания им ценностей общества, в котором они живут.

С этого периода образовательные учреждения включаются в процесс воспитания молодого поколения, возлагая на себя часть ответственности за формирование молодежи, социализация молодежи как таковая приобретает еще одну неотъемлемую стадию.

Данный процесс не стоит недооценивать, так как данное явление является зарождением всеобщего образования, что, в свою очередь, обуславливает дальнейшее историческое развитие государств, уходящих от дешевой рабочей силы к более наукоемкому и профессиональному труду.

Дети начинают рассматриваться как золотой фонд и будущее государства, их ценность и роль для общества возрастает в разы и это не может не отражаться на внутрисемейных отношениях, где шаг за шагом изменяется баланс сил. Абсолютный авторитет отца остается определяющей силой в семье до середины XX века, но процесс дифференциации ролей членов семьи зарождается именно тогда, когда детей начинают обучать в образовательных учреждениях.

Поднятие ребенка на пьедестал ценности в семье, обусловленное множеством факторов, начиная с того, что дети становятся расходной статьей и, заканчивая снижением смертности, в корне меняют внутрисемейное отношение к детям и обуславливают значительное их сближение с родителями.

В разы возрастает значение материнской связи с ребенком. Чем меньше становится детей и чем сложнее и дороже обходится их воспитание, тем бесценней и чудесней дети воспринимаются своими родителями, связь между ними становится куда более интимной, чем это было в феодальный период, когда дети вообще не воспринимались за людей, равно как и женщины, когда все они были лишь рабочей силой, и то, второго сорта, так как не могли конкурировать с мужской рабочей силой.

«Изменения в природе любви и в ее взаимосвязи с сексуальностью были тесно связаны с описанными выше тенденциями. Идеалы романтической любви возникли в то время, когда брак перестал строиться на экономических основах. В патриархальной семье новые идеалы семейной любви получили поддержку, но семейному долгу все еще отдавалось предпочтение перед романтической привязанностью. Более того, с отделением жилища от места работы “личные” отношения в семье стали значительно отличаться от отношений в сфере труда. Распространился эмоциональный индивидуализм, сформировавший новую основу для брака и изменивший взаимоотношения между женщиной и мужчиной. К концу XX столетия стало общепризнанным, что семья представляет собой (или должна представлять) закрытый для посторонних мир, в котором первостепенное значение имеет эмоциональная и сексуальная близость между мужем и женой» [1, с. 368].

Родительство второй половины XX века

К концу первой половины XX века сложился переходный этап в развитии института семьи, который многие западные ученые тоже именуют традиционным для нашего времени, что в принципе неверно. Наблюдается плюрализм мнений и значительное ускорение смены «господствующей» формы семьи.

На тот период относительно малое количество женщин работало и только тогда экономический фактор в семейных отношениях был окончательно вытеснен идеей романтической любви, отношения между мужчиной и женщиной были равны, как никогда прежде, в том числе и с правовой точки зрения, с того времени уже очень много что изменилось.

Получить развод было достаточно сложно, не запятнав при этом свое доброе имя, и поэтому традиционной считалась семья, где дети, рожденные в браке, живут с родителями, из которых отец зарабатывает на пропитание семьи, а мать занимается воспитанием детей и является домохозяйкой.

На примере Британии наглядно отражена стремительность изменений в семейной сфере. Так, к 1947 году количество разводов возросло в 10 раз, что связано с разрушительным воздействием второй мировой войны.

Через какое-то время этот показатель упал, снова резко подскочив в начале 60-х. Спустя два года принятие закона о Государственной помощи после развода открыло возможность развода для тех, кого останавливали финансовые издержки. Тем не менее, падения популярности брака не отмечалось, три четверти разведенных впоследствии вновь вступали в брак. Короткий послевоенный “бэби-бум” достиг пика в 1947 г. — 20,5 рождений на тысячу взрослых в год. После этого уровень рождаемости выровнялся и с тех пор продолжает оставаться достаточно стабильным. Согласно Рапопорту, *«сегодня семьи Британии находятся в стадии перехода от общества, в котором была допустима лишь одна форма семьи, к обществу с множественностью форм, как допустимых, так и, конечно, желательных»* [7, с. 372].

Нельзя не отметить, что такие тенденции сейчас лишь развиваются еще более, больше трети детей рождается вне брака и количество одиноких людей растет, и судя по всему, будет продолжать расти.

Ряд исследований показал, что подавляющее большинство детей с самого юного возраста до совершеннолетия испытывают смешанные чувства вины, тревоги и агрессии при разводе своих родителей, но в то же самое время многие из них как минимум не чувствуют ничего подобного пять лет спустя, как потому, что больше двух третей взрослых после развода в ближайшие 5 лет вступают в брак вновь, так и по другим, вероятно, чисто психологическим причинам.

В послевоенный период и в рабочем аспекте наблюдались значительные изменения, все больше женщин стали рассматривать работу как главный движущий смысл своей жизни и бороться за карьерный рост всеми силами.

Семейная жизнь отнюдь не всегда представляла собой картину гармонии и счастья. Часто проявлялись относительно новые “теневые стороны” семьи — различные типы сексуальных злоупотреблений и домашнего насилия [5, с. 170].

Большинство сексуальных злоупотреблений по отношению к детям совершается мужчинами и, по-видимому, эти злоупотребления связаны с другими типами насильственного поведения, присущего некоторым мужчинам.

Заключение

Рассмотрев ряд новых тенденций, ровно, как и многовековую эволюцию родительства со времен средневековья до современности, становится очевидно, что прогнозирование такого динамичного института как семья и родительства как социокультурного феномена является задачей исключительно сложной.

Семья за тысячелетие преобразилась во всех своих чертах, изначально, будучи исключительно экономической ячейкой, где лишь у мужчин были права, в то время как дети и женщины были движимым имуществом, и к нашему времени став исключительно разнообразной структурой, во многом обратной по своим характеристикам. Например, роль мужчины-кормильца в семье как идея и образ жизни остается стабильной конструкцией, но в то же время она находится в состоянии изменения: часто мы можем видеть, что и муж, и жена работают полный день и вместе формируют семейный бюджет [6, с. 86].

Дети стали расходной статьей семейного бюджета, образование сняло с родителей груз единоличного воспитания и стало играть очень значимую роль в воспитании.

Тем не менее феномен родительства как такового, еще не один век будет актуален, так как множество форм семьи, постоянно претерпевающих изменения, динамичность этих процессов, не может одновременно исключить родителей из процесса формирования и воспитания своих детей.

На данный момент получает распространение демократическая форма семьи, когда все ее члены обладают неотъемлемым пучком прав, на защите которых стоит государство, дети с раннего возраста имеют право голоса, что закреплено в законодательных актах, и главенствующая роль отца семейства уступает место «партнерскому управлению», когда центр и стержень семьи – пара людей, поддерживающих отношения на основе чувственной и интимной привязанности и желающих поддерживать эти отношения в будущем.

Разумеется, множество менее распространенных форм родительства набирает обороты. Все более популярна форма сожительства, растет количество неполных семей, появляются однополые семьи, которые порой горят желанием усыновить ребенка.

Данные явления внушают исследователям уверенность в том, что феномен родительства в будущем лишь более дифференцируется и приобретет еще больше форм.

Список литературы

1. Гидденс Э. Социология. – М.: УРСС, 1999. – 703 с.
2. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: «Весь мир», 2004. – 120 с.
3. Гис Ф., Гис Дж. Брак и семья в Средние века / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 384 с.
4. Елисеева И.И. Семья и домохозяйство в современной России // Семья в России в Китае: процесс модернизации / под ред. И. И. Елисеевой и Аньци Сюй. – СПб.: Нестор-История, 2015. С. 113-130.
5. Gittins D. The Family in Question: Changing Households and Familiar Ideologies. – London: Palgrave, 1993. – 224 p.
6. Johanson T., Andreasson J. Fatherhood in Transition: Masculinity, Identity and Everyday Life. – London: Palgrave Macmillan UK, 2017. – 238 p.
7. Rapoport R. Families in Britain. – London: Routledge & Kegan Paul, 1982. – 559 p.
8. Stone L. The family, sex and marriage in England 1500-1800. – New York: Harper & Row, 1979. – 446p.

DOI: 10.51692/1994-3776_2021_1_78

УДК 334.02

С.А. Степанов¹

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

S. Stepanov. Professional value orientations of modern student youth

В данной статье рассматриваются подходы к определению понятия организаторская компетентность современной студенческой через призму ценностных ориентаций и самоопределения.

This article discusses approaches to the definition of the concept of organizational competence of the modern student through the prism of value orientations and self-determination.

Ключевые слова: организаторская компетентность, технологии управления интеллектуальным капиталом организации, профессиональное образование будущих руководителей.

Key words: organizational competence, technologies of intellectual capital management in an organization, professional education of future managers.

Контактные данные: 193023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д.21; тел.: (812) 310-19-04; e-mail:dept.ksocupr@unecon.ru

Contact information: 21 Sadovaya street, Saint-Petersburg, 193023; tel.:(812) 310-19-04; e-mail:dept.ksocupr@unecon.ru

¹Степанов Станислав Андреевич, старший преподаватель кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета
S. Stepanov - Senior Lecturer, Department of Sociology and Human Resource Management, Saint-Petersburg State Economic University